

Су И сидела на коленях на меховой подстилке, прижимая к себе Байма. Она осторожно, ложка за ложкой, кормила женщину лекарством, а в завершение не забыла положить ей в рот конфету.

Байма была немного удивлена, но не стала отвергать проявленную доброту. Она видела, как её ребенок играет на соседней подстилке со своими маленькими ручками.

На ужин были мясо, овощи и пшенная каша. Су И заранее покормила малыша, поэтому во время трапезы ей нужно было заботиться только о Байма.

Такая жизнь вдвоем, с ребенком на руках, тянулась уже несколько дней. Наконец Байма обрела способность говорить, и первым же делом она опустила перед Су И на колени и отвесила глубокий поклон.

Куньцзи, Яцо — Байма говорила сбивчиво, запинаясь, но Су И понимала: женщина просто хочет выразить свою благодарность.

— Я понимаю, не нужно благодарить, к тому же я не понимаю тибетского!

Байма принялась вспоминать давно забытый ханьский язык и вновь горячо поблагодарила Су И, а затем назвала свое имя.

Су И замерла, а затем быстро спросила:

— Как зовут твоего сына?

— Домашнее имя — Сяогуань, а настоящее имя я хотела оставить для мужа, чтобы он сам дал его, когда вернется...

Вот только вряд ли она дождется возвращения мужа. Члены семьи Чжан не прощают тех, кто нарушил правила клана, и уж тем более не пощадят её и маленького Сяогуаня.

Словно гром среди ясного неба: Су И почувствовала головокружение, мир вокруг завертелся.

Тибетская женщина с ребенком, сбежавшая в снежные горы — как же так вышло, что она встретила именно их?

Сяогуань не понимал перемен в настроении Су И, но ему очень нравился её запах — легкий, словно талый весенний снег, нечто среднее между зимой и весной.

Малыш взял в рот прядь её длинных черных волос. Байма смущенно забрала сына, беспомощно

глядя на мокрые, покрытые слюной волосы в руках Су И.

— Пусть так, раз уж спасла.

Раз уж всё случилось, она не могла просто выбросить их обратно в снежные горы. В конце концов, она не из тех людей клана Чжан.

Решив и дальше заботиться о них, Су И назвала свое имя, после чего Байма попросила её дать Сяогуаню ханьское имя.

— Мой муж — ханец. Я слышала, что у ханцев есть обычай давать ребенку крестных родителей. Если можно, я бы хотела, чтобы ханьское имя Сяогуаня было с твоей фамилией, можно?

В скудных познаниях Байма о ханьских обычаях признание крестным считалось благословением для ребенка. Она надеялась, что её сын сможет вырасти в безопасности, и даже если это было несбыточной мечтой, она хотела сделать всё возможное.

Ребенок, полный любопытства к миру, ничего не знал. Он не знал, что потерял отца, и не знал, что в своей долгой жизни ему предстоит потерять каждого, кто ему дорог.

Су И вздохнула:

— Пусть он всегда знает свой путь и может указать дорогу другим. Назовем его Су Цимин.

Желаю тебе быть собственной путеводной звездой, а не Чжан Цилином из семьи Чжан.

Су И никогда не собиралась скрывать свою сущность. С её точки зрения, если можешь жить — живи, не можешь — не живи. Конечно, если только кто-то не пытается её убить — тогда она сначала прикончит обидчика, а потом уже будет думать о жизни.

Поэтому Байма, поначалу приходившая в трепет от того, что принимает горячие источники вместе с Цзяожэнь, постепенно стала относиться к этому совершенно спокойно. Она даже сама предлагала помощь, чтобы потереть рыбы хвосты.

Хвост Су И был невероятно длинным и прекрасным — плавники, похожие на рассыпанную звездную реку, стелились по земле, и Байма не могла отделаться от мысли, что это настоящее сокровище.

Сяогуань рос быстро, в основном потому, что питание было отличным. Су И приходилось жертвовать своими платьями одно за другим, чтобы малыш не ползал везде с голым задом.

Вокруг ступы Су И развела небольшой огород. Хотелось чего-то — просто посади. С ней не нужно было думать о временах года или климате: выкопала ямку, положила семена, полила — и готово.

До года Сяогуань обожал прижиматься к хвосту Су И. Если она не давала, он не плакал и не капризничал, а просто смотрел на неё своими красивыми черными глазами и сам тыкался пухлым личиком в её объятия, отказываясь выбираться.

Маленький комочек плоти был милым, когда не плакал, но вот характер... Кто знает, наследственное ли это? Люди из семьи Чжан, кажется, один упрямее другого, твердолобее, чем камни в склепе.

После года Сяогуань, пошатываясь, ходил за Су И, копая землю волчьим зубом, который выделала Байма. Когда Су И клала семена, он маленькой лопаткой засыпал их землей, а затем поливал из крошечной лейки.

Так как они выбрали мать с ребенком одиннадцатого ноября по мировому календарю, Байма решила оставить этот день в качестве дня рождения сына. В конце концов, с того самого дня, как она родила, её преследовали, и она помнила лишь то, что ребенок появился на свет в ноябре.

Взять в качестве дня рождения день холостяка — что же будет, если ребенок потом не сможет найти себе жену?

— Если не сможет найти жену, пусть проверит, что сделал не так, или, может, он недостаточно хорош. Не могут же быть виноваты все девушки мира?

Что-что, а принципы воспитания Байма Су И вполне одобряла.

Поскольку было неизвестно, прекратилась ли погоня семьи Чжан или просто сменила направление, все эти годы Байма не покидала пределы горячих источников, поддерживая идеальный порядок в вещах, которые приносила Су И.

А сама Су И, привыкшая поступать как вздумается, время от времени выбиралась наружу, чтобы поохотиться.

Величественные снежные волки, могучие медведи и другие причудливые существа, скрывающиеся в снежных горах — всех, кого она встречала, она превращала во временных скакунов.

Климат Гималаев переменчив. Даже те, кто всю жизнь жил в снежных горах, не решались выходить в одиночку во время сильных снегопадов.

Цыжэнь был тибетским проводником. Его повседневной работой было вести караваны через горы, и заработанных денег хватало его семье, чтобы прожить пять долгих месяцев снежного сезона.

Однако караваны в те времена были делом опасным.

Ходили слухи, что уже несколько тибетских проводников пропали в Гималаях. Цыжэнь не хотел браться за этот заказ, но его мать заболела, и требовалось много денег, чтобы купить чудодейственное лекарство у светловолосого и голубоглазого доктора.

В этот раз в караване как раз оказался такой доктор. Если он возьмется за работу, тот согласится дать ему три дозы лекарства заранее, а после перехода через горы, помимо обещанного вознаграждения, даст еще три дозы.

Цыжэнь решил, что встретил доброго человека, и, вопреки возражениям товарищей, повел отряд из семнадцати человек в Гималаи.

Божество, в которое верил Цыжэнь, не смогло вечно оберегать своего последователя. Когда он вел караван по узкой тропе на ледяном обрыве, ночью внезапно сошла лавина.

Отряд был разбросан в разные стороны, некоторые бедолаги прямо на лету врезались в ледяные пики и скалы, не оставив даже целого тела.

Ночь, сильный снег, лавина, ранения — любые два из этих факторов в Гималаях означали верную гибель, но кто-то всё же оказался достаточно удачлив.

<http://bllate.org/book/21367/2176371>